

Аветик ИСААКЯН ГИМН АРМЯНСКОМУ ЗОДЧЕСТВУ

Одиноким иду по родным полям.
Осень, осень. Блестит свежесвыпавший снег
На плечах Арагата. Как солнечно там!
А внизу гневнодышащих ветров набег
Неподатливый тополь сгибает, как луг
Гайка-праотца... Пусть беспритонно вокруг:
Я в моем одиночестве здесь не один,
Просто много было в былые дни,
Здесь бушуют неслышными ураганы времен,
И теперь смотрят ввысь лежат обломки колонн.
Храмы нашей души! Вы в местах веках
Возвышались над жизнью, сожженной до тла.
Этим стенам неведом был трепетный страх,
Солнце ярче сияло, глядя в куполо,
О, как верил народ мой страдающий вам!

В споры светел душой и сердцем высок,
Видел он, припадая и замшелым камнем,
В славе прошлого — будущей славы залог.
О, могучие стены и своды! Вы с ним
Говорили на тайном наречьи своем
Духом предков бесстрашным, что вами храним
И гармонично вечной родным языком.
В этих сводах узорчатых видел народ
Воплощенные высочайших стремлений своды.
В этих стенах бессмертная сила живет
Современных мечтаний и дум доверит.
Мы в жестокой борьбе одолели врагов.
Мой народ, возмужавший в суровой тиши,
Солнечной отчизне отдать ты готов
Все богатства своей вдохновенной души.

Перевела М. ПЕТРОВЫХ.

Славное двадцатипятилетие

С. ХИТАРОВА

Векан служила Армения ареной действительности для всевозможных завоевателей. Поэт Аветик Исаакян так вспоминает горькую судьбу своего народа:

На каменном пути народных рек
Давала ты, томилась за веком век,
Расплетала когтистые когти,
И в ликуном чуждые орды
Точили кливцы о твои скалы,
Чтобы терять тебя...

(Перевел В. Державин).

Даже в последние десятилетия XIX и в начале XX века армянский народ подвергался неслыханному кровавому истреблению — его не раз предпринимала султанская Турция. «Стоял у бедны мой народ...» — писал в поэме «Возрождение родины» Наири Зарьян.

В ноябре 1920 г. началась новая эра в жизни армянского народа. Советская власть и помощь великого русского народа спасли армянский народ от гибели.

Возрожденный армянский народ отмечает двадцатипятилетие своего славного советского двадцатипятилетия. К этому празднику армянская советская литература приходит с немалыми итогами.

Оригинальная и самобытная по форме, обогатившаяся под влиянием культуры Запада и Востока, армянская литература истоками своими уходит в глубокую древность. Отличительными чертами ее всегда были гуманизм и народность. Один из древнейших армянских гуманистов Себеос отмечал, что заветной мечтой армянского народа было — жить и умереть за благо родной земли. Эта мечта одушеворяла армянскую литературу на всем протяжении ее развития. Трагическая судьба народа, горячий протест против угнетения, неутомимая жажда свободы, призыв к борьбе — были основным содержанием армянской революционной литературы и ее пламенным девизом. Даже в наиболее тяжелые дни испытаний армянские поэты возводили народ своей мужественной верой в будущее:

Во вет, ты не умрешь! Я верю и обоготею;
Оно должно прийти, — оно к тебе придет.
Во мраке великом горит звезда сияющая!
Прощая, велико час, о, родина, он идет!

— так писал Ованес Иоаннисян, поэт конца прошлого столетия.

Советская литература Армении впитала в себя лучшие заветы классической литературы. Живая связь между лучшим традиционным достоянием литературы и советской литературой является творчеством Аветика Исаакяна, литературная деятельность которого началась в 90-х годах прошлого столетия. Сила его поэзии — в близости к народной лирике. Не умолкая, звенят над высоким небом Армении песни Исаакяна. В этих песнях он воплотил душу своего народа с ее страстной мечтой о счастливой жизни под горячим полуденным солнцем юга. Поэту, олакавшему горе своего народа, довелось принять участие в возрождении родины. Одно из лучших стихотворений А. Исаакяна советского периода посвящено Сталину; в этом стихотворении Исаакян выражает любовь и благодарность вождю и освободителю народов. О своей поэтической работе поэт незадолго до войны писал так:

«Пользуясь нашим богатейшим фольклором, я обработал эпос «Мгер из Сасуна», сейчас работаю над ним, дополняя его. Мой еще незаконченный роман — эпос «Уста Каро» (мастер Каро) носит в себе также много элементов фольклора. Сейчас я собираю материал и работаю над эпическим произведением».

Ведением о Ленине, опять-таки основываясь на эпосе, на русских былинах».

Война прервала работу Исаакяна над этими произведениями. Вся творческая энергия поэта направилась непосредственно на антифашистскую деятельность. Статьи и брошюры Исаакяна в огромных тиражах распространялись в Армении и за границей. Сейчас поэт вновь вернулся к осуществлению своих поэтических замыслов.

Последнее десятилетие в армянской советской литературе отмечено рядом знаменательных фактов. Наряду с прозаиками и поэтами старшего поколения (Аветиком Исаакяном, Дереником Демирчяном, Степаном Зорьяном, Микаэлем Манвелом, Араном Грани, Борна, Ахавин, Капунджян, растет и крепнет дарование Сармена, Соломона Тарчуня.

Первое выступают с двумя большими романами о колхозном строительстве в Армении молодой прозаик Тапалцян («Виктория» и «На заре») и молодой прозаик Рачия Кошар с двумя повестями «Путешествие Осгена Васпура» и «Женитоба».

Значительным эпическим произведением армянской поэзии этих лет была монументальная поэма Наири Зарьяна о патристическом эпосе «Книга о богатых». В этой поэме так же, как и в двух предшествующих поэмах — «Рушакская скала» и «Сако Меккиан», сказало эпическое дарование и острота публицистического темперамента Наири Зарьяна. Армянской советской поэзии поистине подлинно гражданский пафос и лирическая проникновенность.

Во время войны армянская поэзия оцелилась подняться на более высокую ступень. Ее успехи особенно очевидны по сравнению с положением поэмы, которая не сумела достойно, художественно полноценно отобразить войну. Исторические романы при несомненных их достоинствах не сократили неоплаченного счета поэмы.

Непосредственные участники многих походов и сражений, армянские поэты с большой непосредственностью, живой эмоциональной силой и остротой отразили глубину народных переживаний. Стихи поэтов вслушались армянских бойцов на всем их трудном и долгом пути от предгорий Кавказа до площадей Берлина. Песни шагали рядом с бойцами, жердясь в огне, в дыму удурих сражений. Георг Эмин писал:

Плечо к плечу — проходил боем
И рвали между нами вой,
Один — победной песни вой,
Тотой — великий вой,
Так и выжили — и поет и вой,
И для обоих смерти нет.

Плечо к плечу проходил боем —
Бесстрашный вой — поет.

(Перевел В. Звигицкая).

С большой силой запечатлен в армянской поэзии образ Татуды Гурпна, талантливого поэта и бесстрашного солдата — он пал смертью храбрых при защите Севастополя. В пламенном патристическом стихотворении, написанном незадолго до смерти, «В горы Меккиан», Татуд Гурпн писал:

И ведь я, когда воевал с вами,
Знал, что армянский простор —
Кудрявого армянского поэта
С любовью вспомнит сканы эти гол.

Заслуженным успехом пользуются во время войны лирические баллады Гегама Сарьяна, в которых отображена героика войны, стихи Ашота Грани, Сирыса, Георгия Эмина, Гургена Борния Сирыса Капунджян. Горячий патристический пафос, выстраданный характерный пафос, выстраданный описаниями характерно характеризовали их творчество военной поры.

В поэме «Голос родины» Наири Зарьяна, написанной в 1943 г., поэт выражает строгу, нестремимую уверенность в победе, писал:

И все живое
защитит войну,
не опасаясь вечно стали,
и будет музыка вспоминать
неумирающее имя:
Сталин!

(Перевел И. Севальнский).

В эти же годы выступают с крупными произведениями писатели Арази и Манвел, начавшие свой творческий путь еще до революции. Широкая популярность получает работа прозаика Шираза, писательницы Тарголь, в своих книгах они отражают строительство социалистической Армении, торжество новых форм жизни, становление нового быта. Таковы романы Сирыса «Ана-

ит», «Пустыня цветет» и «Ереван» Манвелына, «Луные лучи» Арази, «В ряду гигантов» Тарголь и др.

В это же время появляется серия замечательных «Рассказов охотника» молодого прозаика В. Аваняна, стихи Шираза, Ашота Грани, Борна, Ахавин, Капунджян, растет и крепнет дарование Сармена, Соломона Тарчуня.

Первые выступают с двумя большими романами о колхозном строительстве в Армении молодой прозаик Тапалцян («Виктория» и «На заре») и молодой прозаик Рачия Кошар с двумя повестями «Путешествие Осгена Васпура» и «Женитоба».

Значительным эпическим произведением армянской поэзии этих лет была монументальная поэма Наири Зарьяна о патристическом эпосе «Книга о богатых». В этой поэме так же, как и в двух предшествующих поэмах — «Рушакская скала» и «Сако Меккиан», сказало эпическое дарование и острота публицистического темперамента Наири Зарьяна. Армянской советской поэзии поистине подлинно гражданский пафос и лирическая проникновенность.

Во время войны армянская поэзия оцелилась подняться на более высокую ступень. Ее успехи особенно очевидны по сравнению с положением поэмы, которая не сумела достойно, художественно полноценно отобразить войну. Исторические романы при несомненных их достоинствах не сократили неоплаченного счета поэмы.

Непосредственные участники многих походов и сражений, армянские поэты с большой непосредственностью, живой эмоциональной силой и остротой отразили глубину народных переживаний. Стихи поэтов вслушались армянских бойцов на всем их трудном и долгом пути от предгорий Кавказа до площадей Берлина. Песни шагали рядом с бойцами, жердясь в огне, в дыму удурих сражений. Георг Эмин писал:

Плечо к плечу — проходил боем
И рвали между нами вой,
Один — победной песни вой,
Тотой — великий вой,
Так и выжили — и поет и вой,
И для обоих смерти нет.

Плечо к плечу проходил боем —
Бесстрашный вой — поет.

(Перевел В. Звигицкая).

С большой силой запечатлен в армянской поэзии образ Татуды Гурпна, талантливого поэта и бесстрашного солдата — он пал смертью храбрых при защите Севастополя. В пламенном патристическом стихотворении, написанном незадолго до смерти, «В горы Меккиан», Татуд Гурпн писал:

И ведь я, когда воевал с вами,
Знал, что армянский простор —
Кудрявого армянского поэта
С любовью вспомнит сканы эти гол.

Заслуженным успехом пользуются во время войны лирические баллады Гегама Сарьяна, в которых отображена героика войны, стихи Ашота Грани, Сирыса, Георгия Эмина, Гургена Борния Сирыса Капунджян. Горячий патристический пафос, выстраданный характерный пафос, выстраданный описаниями характерно характеризовали их творчество военной поры.

В поэме «Голос родины» Наири Зарьяна, написанной в 1943 г., поэт выражает строгу, нестремимую уверенность в победе, писал:

И все живое
защитит войну,
не опасаясь вечно стали,
и будет музыка вспоминать
неумирающее имя:
Сталин!

(Перевел И. Севальнский).

В эти же годы выступают с крупными произведениями писатели Арази и Манвел, начавшие свой творческий путь еще до революции. Широкая популярность получает работа прозаика Шираза, писательницы Тарголь, в своих книгах они отражают строительство социалистической Армении, торжество новых форм жизни, становление нового быта. Таковы романы Сирыса «Ана-

ит», «Пустыня цветет» и «Ереван» Манвелына, «Луные лучи» Арази, «В ряду гигантов» Тарголь и др.

В это же время появляется серия замечательных «Рассказов охотника» молодого прозаика В. Аваняна, стихи Шираза, Ашота Грани, Борна, Ахавин, Капунджян, растет и крепнет дарование Сармена, Соломона Тарчуня.

Первые выступают с двумя большими романами о колхозном строительстве в Армении молодой прозаик Тапалцян («Виктория» и «На заре») и молодой прозаик Рачия Кошар с двумя повестями «Путешествие Осгена Васпура» и «Женитоба».

С. ШЕРВИНСКИЙ АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Валерий Брюсов писал в 1916 году: «Знакомство с армянской поэзией должно быть обязательно для каждого образованного человека...» — тем более, прибавим мы, для каждого советского человека, включенного в круг культурной деятельности всех народов нашего Союза.

До революции Армения была мало известна, казалась отдаленной, и если армянский народ привлекал внимание русских, то главным образом, прерогативами своей судьбы. Теперь Армения для нас близка, знакома, и все народы Советского Союза живо разделяют с братьями-армянами гордость культурным ростом их страны.

Если теперь, в торжественные дни, когда мы празднуем 25-летие Советской Армении, бросить взгляд на все, что сделано в области перевода армянской поэзии русскими поэтами, нельзя не испытать чувства удивления. Можно сказать, не преувеличивая, что армянская поэзия представала теперь в русских переводах как существующая, пробелов в доброкачественном выполнении.

Русские писатели впервые вплотную заинтересовались армянской литературой в 90-х годах минувшего столетия. Это случилось тогда, когда армянская поэзия насчитывала уже полторы тысячи лет своего существования. До этого можно говорить лишь о случайных взглядах на записку армянской поэзии. Такой была работа Я. Полонского над стихами Саят-Новы.

Недлинный ряд книжек, вышедших в 90-х годах и в начале нашего столетия, замыкается сборником «Армянская муза» под редакцией Юрия Веселовского и профессора Г. Халатяна — самым солидным трудом первого этапа (М. 1907). Помните, как подостроком я купил эту книгу в одной из палаток вербного базара. Любознательная книга Ю. Веселовского искажала, однако, перспективы и масштабы. По прочтении ее у меня осталось впечатление, что величайшие поэты южной армянской литературы — Рафаэл Патканян и Симбат Шах-Азиз. Об Ованесе Туманяне, в то время называемом уже «Маро» и «Ануша», в предисловии было сказано лишь несколько строк. Кроме того, я читал в той же вступительной статье, что из южных армянских поэтов оказывает влияние Надсон, — не очень хотелось этому верить. Да и среди русских участников сборника не было, кроме Вальмонта, ни одного значительного поэта. А между тем «Армянская муза» Юрия Веселовского была едва ли не единственным источником ознакомления русского читателя со всей армянской поэзией!

Вторым этапом были годы первой мировой войны — период, открытый первое овладение еще неизвестными богатствами армянской поэзии, огромное расширение поэтических горизонтов. Во главе корабля выступил тогда незабываемый и для нас и для армянского народа Валерий Брюсов. На сей раз армянская поэзия завладела вниманием одного из самых просвещенных и угоненных людей своего времени. Кроме того, Брюсов был историк. Все способствовало тому, чтобы охранить новое литературное начинание от дилетантизма и случайности.

Работа Брюсова над армянской поэзией хорошо известна. О ней много написано. Стремительная пылкость, исключительная воля, воодушевление поэта и открытия новых материков — эти черты Брюсова придали работе его над армянскими поэтами высшее творческое напряжение. Я помню, как тогда в его доме царил чудесный атмосфера бурного организационного и поэтического труда. Армянские литературоведы, патристы-энтузиасты, признанные поэты, и мы — литературная молодежь — сменили друг друга в накуренном кабинете «матра» Сасуна. С. Туманян, В. Блок, В. Маяковский, С. Гуманович. В блокноте «Поэзия Армении» (М. 1916) приняли участие все лучшие поэты тех лет — Блок, Вальмонт, Бунин... Никто из участников сборника не смотрел на свою работу, как на квалифицированное ремесло, — все были волеваны в «брюсовскую» атмосферу, каждый стал ценителем и адептом армянской поэзии. «Поэзия Армении», снабженная превосходным аппаратом, впервые на русском языке дала правильное представление об армянской поэзии в правильной исторической перспективе. Русский читатель прочел отрывки из народной поэзии армян, познакомился с драгоценными сокровищами их средневековья.

Одновременно М. Горький посвятил один из томов серии книгоиздательства «Парус» армянской литературе. В нем были помещены переводы из классических армянских поэтов. Третий этап наступил вместе с приходом в Армению советской власти. Горизонты поэтической работы необъяснимо расширились — она велась уже не от случая к случаю, а глубоко и обменно. В новых условиях складывалась новая советская ли-

тература Армении, призванная показать осуществленную древнюю мечту народа о счастье. Перед русскими переводчиками встали новые задачи.

Когда мы говорим о переводе произведений какого-либо из братских народов на русский язык, мы должны всегда помнить, что своими переводами мы не только удовлетворяем русского читателя, но и армяте всех других братских народов. Русский язык, как культурный фактор, приобретает немалое значение. Перевод армянскую поэзию на русский язык, мы тем самым делаем ее доступной и удобной, даем и умудрять. В некоторой степени это относится и к зарубежному читателю.

За истекшие 25 лет советского строя в Армении деятельность русских поэтов над переводами армянской поэзии была настоящей и плодотворной.

Советские поэты, немало потрудившиеся над армянской поэзией, много раз посещали Армению. Апаратуку долину, носятся в памяти мир образов, впечатлений, наблюдений, — это мир обживает в наших переводах, он помогает нам приблизиться к языку и ко всей многообразной выразительности, отличающей армянскую природу и жизнь. Не помышляв воздухом Арагата, не выгнав арташакского вина, не послушав шума Зинги или Дебета, можно многое не почувствовать в стихах Туманяна или Исаакяна.

За советские десятилетия русская переводческая деятельность была, главным образом, направлена на две области армянской поэзии: на поэзию народную и на творчество наших товарищей — советских поэтов Армении.

Работа над народной поэзией выразилась в переводе замечательного современного эпоса «Сказ о Ленине» и множества стихов и песен, воспевających Сталина и свое обновленное бытие, — иногда на старинный лад, с рифмами, как певали деды. Русскому читателю раскрывается в переводе внушительный советский фольклор, свидетельствующий о том, как возмужало это поколение народа и как оно умеет отличиться на все то новое, что приносит ему поступательное движение истории.

Событием в армянской литературе было объединение отдельных эпических песен о богатырях Сасунаского дома в единое целое под общим названием «Давид Сасуниский», произведение специальной армянской комиссии в 30-х годах. К тысячелетнему юбилею эпос о Давиде Сасунаком был переведен на русский язык, — это было настоящее открытие, подарившее широкий круг читателей — русских, братских и зарубежных — эпос мирового значения, громадную поэтическую и моральную силу.

Наири ЗАРЬЯН Песня старина гусана

К гайкам Бал возвал:
«Я всей вселенной свет и время дал,
И лишь моя бессмертна благодать.
Жар солнца я и вечный хлад луны,
Я — и земля, и воздух, и вода,
Моем желаньем вы должны желать,
Моем сознанием сознавать должны...
И Гайк ему ответил: «Никогда!»
И вновь тогда возвал
Сверный Бал:
«Спускайся, Гайк, с посеребряных скал,
Тебе в низине быть я повелел.
Под сенью Бала тихо здесь живи,
Иль зарожит Масис от смертных стрел,
И ты утонешь, Гайк, в своей крови...»
Отвешал Гайк с вершинами гобой:
«Зачем же мне склоняться пред тобой?
Ты — человек, я тоже человек,
И можем мы не враздвоем вовек, —
Так Гайк ему и сказал сквозь облака.
Бал потемнел и стал скликать войска.
Он в бой с собой повел безвестный сброд,
А Гайк — сынов и внуков — свой народ.
Сам первым шел, что кровных уберечь.
Он был силен, высок, широкоплеч...
Семь раз враги разбиты пытались нас,
И были вспаханы отброшены семь раз,
Но верил Бал — победа их близка,
Он ждал на помощь новые войска.
Его надежда злую Гайк постиг
И гневом воспламя, и в тот же миг
Он поднял широкотетивный лук
И гулко натянул он дивный лук,
Трехзубчатая молния-стрела
Поет — летит, остра, быстра, светла.
Навилет Бал разрывая грудь,
В сырой земле оканчивая путь.
И рухнул Бал, судьбу свою каляя.
И вой и рыч, издох тирая.
Пред солнцем рассветающего дня
Войска врага исчезли, как туман,
И стала волюно страна армян.

Перевела М. ПЕТРОВЫХ.

Р. ОГАНЕСЯН Застольная песня

Чудесно пировать, чудесно!
Не лучше, думаю, в раю.
Как смотрят звезды! Значит, лествица
Пропразднована в земном краю.

Цветов осенних сок багряный
Мы выжжем в знойное вино...
Пусть вой поход, как гость, желанный,
Пируя с нами заодно.

И урочья, и праздник — наши,
И песни с нами навсегда.
Сдушила нас одна и та же
Страсть вдохновенного труда.

Весельем шумная ночь украсит,
Чтоб новый день встречать внимом
Мои товарищи по счастью,
Как хорошо в краю родном!

Сомкните чашу, ярким звоном,
На миг вернитесь, соловьи,
Как хорошо нам жить, влюбленным...
Итак, за жизнь, друзья мои!

Перевела М. ПЕТРОВЫХ.

Георг ЭМИН Родина

Без тебя мне б весь мир был тесен.
На какой бы крыле сидеть
И в каком небе лететь
Голубям моих вольных песен!

Без тебя — и подумать больно,
Где ты сласался бы я от бурь.
Коры бросили б в чью лужу
Корабли моих вольных песен!

Будь я солнцем в краю небесном
Не гордился б славою светила,
Если б света я не дарил
Айастана слав чудесным!

Перевела Вера ЗВИГИЦКАЯ.

Проф. А. БЕЛЕЦКИЙ К НОВОМУ ПОДЪЕМУ

Участники дискуссии по вопросам литературоведения сделали ряд интересных предложений, высказали ряд ценных пожеланий. Они все начинали с бесспорного факта — с указания на большую работу, проделанную советскими литературоведами за 25 лет Октября. Несомненные успехи нашей науки в области текстологии, изучения отдельных авторов, изучения отдельных отрывков литературного процесса. События Великой Отечественной войны открыли нам в новом, ярком свете идейно-художественные ценности нашей литературы и позволили поставить во всей широте вопрос о ее общественном и национальном значении, о ее влиянии на мировую литературу — влияние, которое началось давно и проявляется сейчас с особенной силой.

Да, советские литературоведы работали много, разнообразно и плодотворно. И тем не менее — будем открытены, не побоимся признать, что ни состояние, ни положение нашего литературоведения не соответствует пока ни общему росту культуры в нашей стране, ни громадным успехам советской науки в других областях знания.

Вспомним недавнее прошлое. В начале нашей эпохи литературоведческая мысль вступила у нас в полосу необычайного оживления. Едва ли когда раньше возникала такой острый интерес к вопросам общей эстетики и к вопросам теории литературы, как это было в 20-х годах. С жаром, доходящим до ожесточения, спорили не только о том, что есть форма и что содержание, но и о том, что называть сюжетом и что фабулой. Количество методов и направлений росло с каждым днем. Триумфаторами вошли были в академическую среду форма-

лизм, распространявшие свое влияние по всем научным ячейкам страны, открывавшие, как им казалось, новую эру в литературоведении. Триумф этот оказался мимолетным. С 30-х годов началась жестокая борьба с вульгарным социологизмом в литературоведении, породившая громадную литературу.

Споры имели, несомненно, свое положительное значение. Они наглядно показали необходимость изучать марксизм по первоисточникам, а не по изложениям и всяким «пособиям», они выдвинули задачу углубленного изучения художественной формы; они убедили в невозможности абстрагировать литературный процесс от действительности, изучаемой в ее конкретности. Но, с другой стороны, в результате дискуссий в литературоведении возникла немалая растерянность. Борьба формалистской школы с вульгарным социологизмом привела к такой осторожности по отношению к социологии, что социологический метод стал присутствовать во многих работах в виде вступительных деклараций да цитат из классиков марксизма-ленинизма — и только. Наука о литературе и раньше страдала от расплывчатости и неясности характеристик, произвольности, разбоя определения эпох, школ, индивидуального творчества. Эти дефекты не устранены до сих пор. Достаточно взглянуть в теоретико-литературный терминологический словарь вузовских программ по литературе.

Если дерзание является характерной и замечательной чертой советской науки, то в области литературоведения случаев такого дерзания мы почти не встречаем. Сколько раз тут, наоборот, сталкиваясь с явной банальностью высказанной мысли, которая не всем покажется обшпринтой, которая будет расцениваться как какими-то мнимыми «канонами», может вызвать споры! Как будто движение науки вперед возможно без споров, как будто на все вопросы уже имеется готовый ответ! Именно «проблем-

ности» нехватает сейчас нашему литературоведению.

Литературоведение не завоевало у нас равноправного места даже в ряду наук общественных. Серьезные литературоведческие работы — редкие гости на книжном рынке.

Г. Гукровский в своей статье сетовал, что у нас, мол, не пишут книг о наших великих писателях, не раскрывают их идейно-общественного значения. Строки эти вызвали недоумение. Автор большой монографии о Пушкине, Г. Гукровский знает сам, что есть книги о Державине, Крылове, Л. Толстом, Достоевском, Горьком и многих других. Книжки написаны, но покоятся еще в портфелях издательства и архивах самих авторов.

На юбилейной выставке Института мировой литературы Академии наук СССР обращало внимание в витринах некие свертки, снабженные карточками с обозначением содержания. Это были труды института, ожидающие выхода в свет.

Мы не забываем, конечно, ни о трудностях военного времени, ни о трудностях издательского дела. Они не мешали, однако, историкам выискивать и журналы, и сборники, и отдельные, подчас обшпринтные книги. Не мешали они и публикация работ по другим наукам. Очевидно, дело не в этих внешних препятствиях.

У литературоведов давно не было и нет своего периодического органа, хотя, говоря, вновь появилась мечта о нем. Громадная армия аспирантов (и докторантов), ежегодно в сотнях названий вузов представляющая какие-то диссертации. Неделю узнавать их заглавия, потребовалось бы много усилий для того, чтобы хоть приблизительно узнать их содержание. Эта большая работа не оказывает заметного влияния на концепцию литературного процесса, не отражается в литературной практике.

В любой книге, на любой лекции литературоведы пользуются словами «метод», «теория», «стиль». Эти термины наслух объяснены, восторженно приняты — и на создательной стадии догмы мысль успокоилась, несмотря на внутреннюю бедность и примитивность этой догмы. Взять хотя бы понятие классического реализма. Как давно оно нуждается в дифференциации, в уточнении. Когда Чернышевский писал о критическом реализме, он и не думал, что утверждает термин, которым станут обозначать вообще все прогрессивное в литературном наследстве.

Замечательные слова о культуре, национальной форме, социалистической о содержании, вошли у нас в обиход. Но наша наука еще не раскрыла по-настоящему их смысла.

У нас есть талантливые критики. Но не только одна ласточка, — должна ласточка не делает весны, и состояние нашей критики также внушает постоянное беспокойство. Есть убеждение, что критика существует, что она будто бы поднимая на высший ступень, стала отраслью наук о литературе. А все же впомним Беллинского: «Теперь, — писал он, — вопрос о том, что скажут о великом произведении, важен не менее самого великого произведения». У нас это, очевидно, не так. То ли читатель вырос и не требует указки, то ли критика не завоевала еще себе авторитета.

Спор о том, существует ли грань между критикой и наукой о литературе, по существу, основан на недоразумении. Совершенно законы два отношения к литературе. Нельзя опаривать право талантливому читателю рассказать о впечатлениях, какое на него произвела книга, о том потоке мыслей и чувств, который в нем забулдил, вызывая его самого к творчеству, возникающему на основе чужого творчества. К такого рода откликам нельзя предъявлять научных претензий, но они могут становиться литературными фактами, ценными с разных сторон. Но рядом с этим также можно существует и другой критический жанр, освещенный примером русской революционно-демократической критики, всегда тяготеющей к науке.

Дело не в том, что работа наша ведется в достаточной планировке. У каждого научного учреждения имеются планы И не в

ИЗ ТРАГЕДИИ «АРА ПРЕКРАСНЫЙ»

«Я всей вселенной свет и время дал,
И лишь моя бессмертна благодать.
Жар солнца я и вечный хлад луны,
Я — и земля, и воздух, и вода,
Моем желаньем вы должны желать,
Моем сознанием сознавать должны...
И Гайк ему ответил: «Никогда!»
И вновь тогда возвал
Сверный Бал:
«Спускайся, Гайк, с посеребряных скал,
Тебе в низине быть я повелел.
Под сенью Бала тихо здесь живи,
Иль зарожит Масис от смертных стрел,
И ты утонешь, Гайк, в своей крови...»
Отвешал Гайк с вершинами гобой:
«Зачем же мне склоняться пред тобой?
Ты — человек, я тоже человек,
И можем мы не враздвоем вовек, —
Так Гайк ему и сказал сквозь облака.
Бал потемнел и стал скликать войска.
Он в бой с собой повел безвестный сброд,
А Гайк — сынов и внуков — свой народ.
Сам первым шел, что кровных уберечь.

Традиции дружбы и братства

Он горюил о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся. (А. Пушкин).

Адам Мицкевич

Когда Мицкевич в январе 1835 года, после трехмесячного пребывания в Петербурге, уезжал в Одессу, Рыльский дал ему рекомендательное письмо к находящемуся там поэту Туманскому: «Положи Мицкевича и друзей его Малевского и Ежовского: добрые и славные ребята, — писал Рыльский. — Впрочем, и писать лишнее: по чувству и образу мыслей они уже наши друзья, а Мицкевич к тому же поэт — любимец своей нации...»

Рыльский обращался к поэзии Мицкевича еще до приезда последнего в Россию: в 1821 г. он начал переводить его балладу «Длинна», а в 1822 г. написал стихотворение «Воспоминание» в подражание одноименному союзу Мицкевича. Можно добавить, что тот же сюжет в 1822 г. перевел на русский язык Туманский, которому адресовал свое письмо о Мицкевиче Рыльский.

Первые русские друзья Мицкевича — Рыльский и Бестужев — встретили его, как брата, увидев в нем не только талантливого поэта-новатора, но и единомышленника, союзника в борьбе за счастье и свободу народов. Именно таким предстал он передочим московским литераторам, когда почти год спустя переселился из Одессы в Москву. Здесь он близко сошелся с Вяземским, Соболевским, Кривеньким, Погодиным, Баратынским, Воеводиным, Шевыревым, здесь состоялось его знакомство с Пушкиным.

Уже в замечательных импровизациях можно было распознать неповторимый гений польского поэта. В этих импровизациях в равной мере сказались и поэт, и патрист. Словно о вихре, Зиганда Волжонская рассказывает, как проросла поэзия в минуты, когда влюбленная мысль уносилась его туда, где «мать отерла его первую слезу, где впервые сердце его полюбило, где предания пробуждали его гений, где мысль и роллива сделали его поэтом».

Не только как гениальный певец представлял Мицкевич своим русским слушателям, но и как певец мироотрадающего польского народа, и восхищению его талантом соотуствовало сочувствие свободоборным патристическим идеям, которые он воплощал в своих проникновенных стихах.

Выход в свет написанных Мицкевичем в России «Крымских сонетов» привнес ему подлинный триумф и общее признание. Вяземский, помещая в «Московском телеграф» прозаический перевод сонетов, сопроводил их статьей, в которой писал: «Мицкевич принадлежит к малому числу избранных, ком предостанено счастье право быть представителями литературной славы своих народов...»

Один за другим начали появляться поэтические переводы сонетов Козлова, Подольского, Шастного, Любича-Романовича.

Еще больший успех имела опубликованная год спустя поэма «Конрад Валленродт». Ее, как известно, начал переводить Пушкин. Жуковский высказал свое восхищение ею в следующих словах: «Если бы я теперь писал или имел время писать, я бы тотчас кинулся переводить эту поэму. Дышит жизнью Вальтер Скотта».

Иван Кривенький в одной из своих статей писал: «Мицкевич, соредоточив в себя дух своего народа, первый дал нам поэтический право иметь свой голос среди умственных депутатов Европы и вместе с тем дал ей возможность действовать на нашу поэзию».

Признание русских литераторов приобрели для Мицкевича особенное значение при тех нападках, которым встречали его произведения польские реакционные критики, называвшие его «Крымские сонеты» версностью, а о «Конраде Валленроде» писавшие: «Большая гуча, да малый дождь». Мицкевич дал этим критикам уничтожающую отповедь в своей статье «О критиках и рецензентах варшавских», которая, кстати сказать, была напечатана и на русском языке в «Московском телеграфе».

Не только поэзия родила Мицкевича с передовыми русскими литераторами. Но от нас не таял своих дух сокровенных, — писал Мицкевич впоследствии в своем поэтическом послании — «К русским друзьям». Безусловно, это относится к первой очереди к Пушкину. О том, что Пушкин и Мицкевич вели не только литературные разговоры, что в своих беседах они затрагивали и политические вопросы, в частности, вопросы взаимоотношений России и Польши, свидетельствует сам Мицкевич в своем некрологе, посвященном Пушкину, где мы читаем: «Слушая его рассуждения об иностранной политике или о политике его страны, можно было принять его за мужа, поселившегося в государственных делах и ежедневно читающего отчеты всех парламентов».

Пять лет, проведенных Мицкевичем в России, тесно сблизили его с русской культурой.

Пожив в 1829 году в России, Мицкевич уезз с собой чувством глубокой привязанности к своим русским друзьям, высокое уважение к русской культуре, веру в могучие силы русского народа. Свои неизменные чувства к Пушкину он ярко выразил в лекциях о славянской литературе, в которых отвед значительное место Пушкину, характеризуя его творчество, как новую эру в русской истории. В некрологе, посвященном Пушкину, Мицкевич писал: «Ни одной стране не дано, чтобы в ней больше, чем один рай, мог появиться человек с такими выдающимися и такими разнообразными способностями, которые, казалось бы, исключают друг друга».

Первый номер журнала «Театр»

После четырехлетнего перерыва, вызванного военными событиями, возобновился выпуск журнала «Театр» — ежемесячного журнала театральной теории и критики, органа Комитета по делам искусств при СНК СССР.

На днях вышла из печати первая — сентябрьская — книжка.

В передовой статье, озаглавленной «Театр в наши дни», редакция подготавливает деятельность советского театра за годы Великой Отечественной войны и намечает основные его задачи в условиях мирного времени. В числе этих задач как главная справедливо подчеркивается забота о создании современного репертуара — «основы всякого театра, источника его жизнедеятельности». Журнал «Театр» констатирует, что за последнее время заметно ослабла связь наших театров с писателями, и это привело к тому, что в репертуаре мало советских пьес. Между тем совместная работа драматурга и театра может оказать плодотворное воздействие на современный репертуар, и пусть театр будет настойчивее и смелее в поисках автора. История сценического искусства знает немало примеров того, как ранее стоявшие в стороне от театра поэты и прозаики становились убежденными и умелыми драматургами.

Вопросам драматургии и театральной репертуара посвящены в журнале и обе статьи, впечатляющие в разное время написанные в Киве и Челябинске, помещенных под рубрикой «Факты и планы». Публикуемые в журнале заметки «Из артельного зала» знакомят читателей с откликами зрителей и их оценкам явления театральной жизни. В вышедшем номере напечатаны высказывания на театральные темы академика Л. Орбели и дважды Героя Советского Союза майора авиации А. Ворожбитина

В Ясной Поляне

В печат старинного здания по-домашнему потрескивает полено. Все здесь снова, как до войны. Только новый зал экспонатов о событиях в Ясной Поляне во время оккупации ее немецкими захватчиками да еще несколько уцелевших железных «ежек» на дороге к станции напоминают о минувших тяжелых днях.

Страна помогла быстро восстановить и привести в порядок народную реликвию — музей-усадьбу Л. Н. Толстого. Небольшой коллектив научных работников и сотрудников музея честно потрудились. В Ясной Поляне опять налаживалась жизнь. Тысячи почитателей великого писателя приезжали сюда из разных городов и деревень. Возобновились организованные экскурсии. Недалеко здесь побывали и зарубежные гости: китайский писатель Го Мо-жо, иранский академик Саид Нафиси, директор общества американско-советской дружбы Смит, руководитель профсоюза румынских горняков Криволюв. Они оставили восторженные записки в книге отзывов.

Число посетителей музея растет. Только за последние три месяца их было 8.500 человек. В отдельные воскресные дни в Ясной Поляне собиралось до 800 экскурсантов.

Уже после восстановления музея проделана большая интересная работа по истории Ясной Поляны, собраны материалы из прошлого каждой комнаты. Источниками служат дневники и переписка самого Льва Николаевича, его родных и друзей, мемуарная литература и, конечно, произведения Толстого.

Мы проходим по комнатам, в которых жил писатель и его семья. Почти все удалось снова воспроизвести в таком виде, как было до 1910 года. В кабинете стоит потертый кожаный диван. Из воспоминаний и других источников известно, что на нем отдыхал Лев Николаевич и большинство его детей. Описание именно этого дивана мы находим в «Войне и мире», в «Анне Карениной». Художник много черпал из окружающей его обстановки. В «Романе русского помещика» есть лебединый столик — его жолобки для жетонных марок и лупяную по краям». Точно такой столик красуется у стены большой столовой дома Толстых. Бронзовая собачка, упоминаемая в описании кабинета Нехлюдова в «Воскресении», — точная копия той, что стоит на письменном столе Льва Николаевича. Зеркала в золоченых рамках, фигурирующие в «Семейном счастье», списаны со старинных троюм, украшающих зал. Все соответствующие отрывки из произведений Толстого методотраны и систематизированы М. И. Шеголовой и другими научными сотрудниками музея.

Проделанная работа дает богатый материал для нового подробного путеводителя по музею, задуманного коллективом. Часть материалов уже использована для литературного монтажа, составленного С. И. Шеголовой на тему «Л. Н. Толстой в Ясной Поляне». Монтаж разучен к юбилейным дням учащимися и педагогами яснополянкой средней школы. Музыкально-вокальной частью постановки руководит старейший учитель школы Елизавета Васильевна Соловьева. Ученический хор исполняет любимую песенку семьи Толстых «Ключу по камушкам бежит», слова и мотив которой недавно записаны, по просьбе музея, сыном писателя Сергеем Львовичем. Любопытно, что эту песню поют в «Войне и мире» Наташа и Николай Ростовы.

В вестибюле музея лежит альбом, где посетители записывают свои впечатления. Одна из свежих записей, сделанная старшим лейтенантом А. Широковым, гласит:

«Какой это был человек! Великан! Олицетворение русского народа! Я счастлив, что я русский человек. Впечатление от музея исключительное».

Ф. Малыш.

«Армянские новеллы»

На протяжении последних 60—70 лет армянские прозаики показали себя большими мастерами короткого рассказа. В сборнике «Армянские новеллы», составленном и переведенном Я. Хачатуряном, представлено 40 новелл 17 авторов.

В сборнике напечатаны новеллы О. Туманяна, Ширван-Заде, Нар-Доса, Д. Демирчяна, Ст. Зорьяна и др.; из произведений зарубежных писателей в сборнике помещены новеллы Григора Зограба, Акопа Пароняна, Ервана Огяна, Рубена Зардаряна, Ерухана. Кроме прозы О. Туманяна, все рассказы переведены на русский язык впервые. Фронтис — народного художника Армении М. Сарьяна, оформление С. Чакрянца. Сборник выходит из печати в московском издательстве «Советский писатель».

Новые книги

«Советский писатель»
Е. Долматовский. «Стихи издалека». «Полет». «Воздух и я». «Воспоминания». «Пароль». «Моя любимая» и др. Стр. 86
К. Симонов. «От Черного до Баренцева моря». Записки военного корреспондента. Книга четвертая. Ноябрь 1943—ноябрь 1944 гг. Стр. 200
В. Гебель. «Н. С. Лесков». В творческой лаборатории. Книга «Сестры» и «Письма». «Литературный журнал». «Варианты рукописных редакций». «Полет». «Композиция». «Дни» Стр. 221. Ц. 12 р. 50 к.
С. Маршак. «Сказки, песни, загадки». Иллюстрированный сборник произведений для детей младшего возраста. Рисунки художников В. Лебедева, В. Кошаревича, В. Шеглова, А. Ермолаева, А. Пахомова. Стр. 324. Ц. 12 р. 50 к.
М. Муратов. «Томасов». Обложка Н. Рерберга. Для старшего возраста. Стр. 210. Цена 5 р.
К. Чуковский. «Тараканчики». Рисунки А. Кановского. Стр. 16. Цена 1 р. 50 к.

БУДУЩИЕ КНИГИ

Большой сборник моих лирических стихов (1909—1945 гг.), около четырех тысяч строк, должен выйти в начале 1946 г. в Гослитиздате (в Ленинграде).

В этом сборнике первые мои стихи будут расположены в строго хронологическом порядке. Преприетные книги («Вечер», «Четки», «Белая стар» и т. д.) будут отданы издателю. Следующий отдел называется «Нечет». В «Нечет» войдут стихи военных лет, главным образом стихи, посвященные Ленину, и небольшие циклы «Луга в зените», который я считал ядром набросков для поэмы о Средней Азии, где я провела два с половиной года, и с которой я еще творчески не рассталась.

В настоящее время я собираю и привожу в порядок мои заметки о Пушкине (1926—1936 гг.), их всего

двадцать пять, и они очень пестры по содержанию. Среди них — и заметки о пушкинском самоповторении, и наблюдения за эпистолярным стилем Пушкина, и о красном зинте у Пушкина. В целом эти заметки составляют книгу о Пушкине.

Продолжаю работать над поэмой «Триптих», начатой в 1940 году и вчерне законченной в 1942 году. В поэме три части: «1913 год», «Решка» («Интермеццо») и «Эпилог».

Конечно, я буду писать и лирические стихи. Но о будущих лирических стихах труднее всего говорить: они возникают самопроизвольно. Скажу только, что намечается цикл «Ленинградские элегии».

Анна АХМАТОВА

В СЮЖЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

«КИРОВСКАЯ НОВЬ»

В Кировской области вышла первая книга нового альманаха «Кировская новь», обсуждение которой состоялось 22 ноября на заседании областной комиссии ССП.

Издателя читатель о выходе первой книги, редколлегия сообщает, что «на страницах альманаха будут печататься лучшие произведения местных писателей, краеведов, работников искусства и литературы». К сожалению, эти обещания оказались невыполненными. Перед читателем лежит скучно и серо оформленная книжка с такими же скучными, бесцветными стихами и прозой. Открывается альманах фрагментами из повести М. Карнеева «Соперники», посвященной воспитанию наших подростков, учеников ремесленных училищ. Если первые страницы повести, в которых рассказывается о детстве двух мальчиков — Андрейки и Вити, написаны довольно свежо и располагают к себе читателя, то дальнейший рассказ автора о пребывании мальчиков в училище, о соре Андрейки и Вити, о перенесении последнего и, наконец, о награждении обоих, написан по пришедшему стандарту и читается с трудом. Поражает бедность изобразительных средств и нерышлость языка повести. Фразы порой звучат парадийно: «Андрей стоял перед зеркалом. Еще недавно он не замечал этой призрачности туалета», «Витка застоял от злости и бесподобной попытки подняться с кровати». О концерте автор рассказывает так: «Перед зрителями прошли представители всех профессий, предусмотренных учебным профилем» и т. п.

В повести нет даже подобия живых характеров, — сказал выступивший на заседании областной комиссии Н. Замощин. — Все персонажи действуют по авторской указке, передвигаются, как механические куклы. Наставники и воспитатели ремесленного училища изображены, как чистейшие резинеры. Они все время менторски поучают. Улыбку вызывает и третий герой повести — «колхозный паренек, поэт Вася» — этаким пасторальным барашком.

ТЕМА И ЕЕ РЕШЕНИЕ

Молодой ученый биохимик А. Утевский написал пьесу «Памятные встречи», которая поставлена в Центральном театре транспорта. Это не первая литературная проба А. Утевского — он в юности писал стихи, а позднее опубликовал повесть «Черная вода» и написал ряд произведений, в том числе пьесу в стихах, который не пытался печатать или ставить. Только личное знакомство с режиссером Н. Петровым привело к тому, что А. Утевский согласился отдать «Памятные встречи» театру.

Обсуждение этой пьесы, устроенное секцией драматургов ССП СССР 20 ноября в Московском клубе писателей, было оживленным и интересным. У пьесы оказалось больше сторонников, чем сторонников. Но и те и другие находят, что пьеса поднимает серьезные и важные проблемы, а основная ее тема — ответственность человека, воспитанного революцией, перед обществом и родиной — поставлена остро и необычно. Однако подчеркивалось, что затронутые автором проблемы подчас решены неправильно.

Наиболее интересный анализ пьесы дал А. Бруштейн. Она видит большую заслугу автора в том, что он заглянул в глубокие и темные уголки человеческой души, благодаря чему первая два акта читаются с напряженным вниманием, несмотря на недостаточное профессиональное мастерство Утевского. Но А. Бруштейн упрекает драматурга в том, что основную свою проблему — ответственности человека перед родиной — он решает с непоследовательной сиюминутностью. Честность с собой, верность идеалам и нравственным нормам морального поведения советского человека. Сила любви в жизни, продолжает А. Бруштейн, не измещается силой страха перед смертью, ибо любовь к жизни есть чувство светлое, ведущее к благородным и возвышенным действиям, тогда как страх перед смертью есть чувство мелкое, толкающее человека на самые жалкие и низкие поступки. Малодушие одной из героинь пьесы, Нади, попавшей в оккупированный немцами город, — на грани предательства, а предательство никогда непростимо. Неудачная попытка Нади к самоубийству не может искупить ее малодушия. Тем, что автор голосует в финале за виновность своей героини, он вызывает протест гражданских чувств зрителя.

С мнением А. Бруштейна по поводу решения темы ответственности согласился так-

же Г. Штайн, Г. Броман, Б. Ромашов и др. Если бы зритель, — подчеркивает Г. Броман, — увидел глубокое страдание, раскаяние, внутреннюю борьбу Нади, совершившей малодушный поступок, равный предательству, он может быть, примирился бы с ней. Но у драматурга нехватало художественных средств, чтобы раскрыть перед зрителем эту душевную борьбу, нехватало слов и убеждений, чтобы доказать виновность Нади, и это порождает естественное чувство неудовлетворенности.

Одна из центральных фигур пьесы, героиня выступившая, — писатель Завьялов — также не удался автору. Завьялов мог бы быть человеком любой профессии, и ничем не оправдано в пьесе его писательское звание. Это просто близорукий человек, проглядевший формирование характера своих дочерей и не сумевший воспитать хорошую дочь Нади в духе тех высоких идей, которые он провозглашает. Таким образом, тема воспитания, затронутая автором, осталась также не развитой. Самый яркий психологический образ в пьесе — младшая дочь Завьялова Инна, влюбленная в жизнь. Непорочная, жизнелюбивая, она вызывает общие симпатии.

Почти все участники обсуждения указывали автору на перегруженность пьесы темами, названными, но не разработанными до конца, на абстрактность, расплывчатость и «сплюснутость» образа Инны, философия которого остается за скобками пьесы, на нерышлость и серость языка.

Однако, подчеркивают Г. Штайн и И. Крути, очень ценны стремление автора к большим темам, его умение находить их в самой жизни.

Едва ли не один О. Леонидов нашел, что пьеса А. Утевского лишена всяческих литературных достоинств, и большие проблемы, увлеченные в ней, представляются ему мнимыми.

В обсуждении пьесы приняли также участие С. Литовский, А. Симонов, Б. Зорин. Положительно оценили выступившие исполнители и постановку «Памятных встреч» в Центральном театре транспорта. Н. Петров рассказал о работе театра над спектаклем.

В заключение А. Утевский, согласившись с отдельными замечаниями выступивших, поздравил собравшихся со своими литературными планами.

Работа творческих секций Ленинградского ССП

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Открытое собрание партийной организации ЛенССП обсудило работу творческих секций Ленинградского отделения Союза советских писателей. С докладом выступил председатель правления ЛенССП А. Прокофьев.

Наши секции, — указал А. Прокофьев, — являются важнейшими звеньями в творческой работе союза. Однако мы еще не можем заявить, что творческие секции в Ленинграде работают достаточно плодотворно. Пожалуй, только секция детских писателей дает пример подлинной активности. Бюро и вся секция в целом понастоящему ослепили писателей. Секция всегда в курсе творческих дел писателей, журналов и издательства.

Менее удовлетворительно работает секция прозаиков. Здесь обсуждаются новые произведения, но обсуждения носят характер узко профессиональный, секция еще не проявила стремления ставить большие вопросы развития литературы. Возможно, продолжает А. Прокофьев, что поэтическая секция и полагается работать «по вдохновению», но тем не менее нельзя назвать ни одной проблемы, ни одного дискуссионного вопроса, поставленного этой секцией в порядке дня.

Проблема резко критично секцию драматургов, бюро которой просто-напросто прекратило свою деятельность. В жизни любой из секций большое место принадлежит критикам и литературоведам. А в Ленинграде они составляют значительную часть членов Союза писателей. Трудно поэтому объяснить, говорит докладчик, почему большинство критиков и литературоведов самоустранилось от повседневного участия в творческой жизни союза.

Критикам, очевидно, нетронутое крестьянское сердце. Все в произведении подано в ложном и сладком тоне. О труде, о войне ребята говорят очень напыщенно, но война в повести не чувствуется, она только названа. Конеч повести невыносимо идиллически.

Напечатанные в альманахе очерки похожи на стандартные газетные заметки. Например, автор очерка «Солдатская слава» Н. Васенов пишет: «Стремительным штурмом прорвали вражескую оборону», «Враг обрушил на гвардейцев ливень огня» и т. п. В очерке А. Блиннова наряду с такими штампами — вымученные и надуманные образы, вроде «квартирной боя» явилась бомбардировка, «стальное стало танков» и т. д.

Участованные в обсуждении В. Лягин, Г. Броман, Г. Колесникова, А. Карев и другие отметили, что на общем безрадостном фоне выделяются автор «Рассказы о Кирове» Н. Бильева. Хотя автор и не создает живого образа Бильевича, а лишь пересказывает отдельные эпизоды из жизни Кирова, его зарисовки получились сюжетными и динамичными. По единодушному мнению участников обсуждения, наиболее интересным в альманахе является раздел «Из литературного прошлого», в котором опубликованы отрывки из нежданной рукописи В. Г. Короленко, статьи П. Луппова «В. Г. Короленко в вятской ссылке» и Л. Дьяконова «Забывший собиратель вятских народных песен и его книга». Солержательная статья К. Дрягина «Война в раннем творчестве Л. Толстого», в которой автор анализирует рождение и эволюцию военной темы в раннем творчестве Толстого.

По мнению И. Френкеля, С. Шаевича, Е. Кивинюк и др., поэтический раздел альманаха очень бледен и невыразителен. Опубликованные в нем стихи В. Заболотского прозаичны, образы неубедительны. Стихи других поэтов также не возмущают нас общим серым уровнем, большинство их — на грани ученичества. Отредактировал альманах небрежно.

УЗКИЙ СПЕЦИАЛИСТ

Пишет отзывы ослепные На знаменья юбилейные И рецензии приятные! На труды лауреатные!

ПРОРАБОТЧИК

Всю жизнь живет одной заботой: — Кого сегодня проработать?

УКЛОНЧИВЫЙ КРИТИК

Он никогда не скажет «да» И никогда не скажет «нет», И тем на долгие года Свой сохранит авторитет.

А. РАСКИН ПАРОДИИ

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Вряд ли вы меня поймете В ваши воспоминаниях лет. Я собьюсь на повороте И если утку в библет. (Евг. Долматовский. «Танцы до утра».)

Выли ветры, выли вилы И сегодня и вчера. Верный друг мой, Валдис, Золотые вечера. Переулочу у Арбата, Три знакомых этажа, И девчата, и ребята, И нынче сторожа.

Ты взглянула нежно ль, строго ль, Мой товарищ дорогой? Александр Сергеевич Гоголь Дрынула бронзовой ногой. Это было, это было, Это будет все равно. Неужели ты забыла, Как хохлила ты в кино? Я купил тебе билеты, Подарила тебе цветы, Ты спросила: «Что же это? Я ответил: Это — ты. Ты сказала: — Это — зала. Ты сказала: — Нет, это — зал. Что ты этим доказала? Что я этим доказал? Да, вчера мы были дети, Завтра будем старики, Потому что на рассвете Дует ветер у реки. Был и я любитель киев Или, может быть, киев. Эдакая когда-то в Киев Или, может, в Могилев. Соловей поет чистушки, Голубой песенный день. И на пушке опущен Распускается сирень. Я лечу на самолете, До чего же я поэт!

Вряд ли вы меня поймете В ваши воспоминаниях лет!

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

«СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ»

В журнале «Советская печать» будут помещаться: Статьи по общим вопросам советской культуры и науки. Библиографические обзоры. Рецензии на вновь выходящие книги. Хроника культурной жизни. Журнал «Советская печать» рассчитан на литературных, научных и издательских работников, педагогов, учащихся вузов, партийный актив. Объем номера — 8 печатных листов. Журнал будет выходить из печати с ноября 1945 г. Цена журнала 10 руб. в месяц. Подписная цена на ноябрь 1945 г. — декабрь 1946 г. — 140 руб. Подписка принимается в городских и районных отделениях «Союзпечати».

Издательство «ПРАВДА»